

Мгновение

216

ТЫ СИДИШЬ в маленькой комнате в современном многоэтажном доме из стекла и бетона, окружённая знакомыми вещами, держа в руке журнал, чашку чая, бездумно глядя на книжные полки, акварель на стене, цветы в вазе. Кажется, ничего не происходит, ты ни о чём не мечтаешь, не вспоминаешь, не размышляешь, нет в этот миг ни прошлого, ни будущего...

Вдруг за окном пролетает птица, чуть не задев крылом стекло. Ты вздрагиваешь, смотришь вокруг себя проснувшимся взглядом, ты чувствуешь, как бьётся твоё сердце, пульсирует кровь в висках, горяча ладонь. Тебе внезапно хочется действий, поступков, точных ярких слов. Ты ищешь бумагу, ручку, ищешь слова, ты тут же хочешь написать рассказ о женщине, похожей на тебя, жившей, однако, в седьмом или девятом веке... Может, она правительница и живёт в причудливом, похожем на драгоценный камень, брошенный в песках, дворце с галереями вдоль стен, там комнаты с зарешеченными окнами устланы мягкими узорными коврами, а стены обиты нежным переливчатым шёлком, и пахнет благовониями и осыпающимися лепестками роз... Написать о её прогулках по ночному прохладному саду, о её томительных взгля-

дах в ночное небо, усеянное яркими, неправдоподобно большими звёздами, такие можно увидеть только в тех, южных широтах... Написать о её смятении, мечтах, тоске... Она мечтает окружить свой трон возвышенными, благородными людьми, она хочет покровительствовать поэтам, художникам, учёным, философам, хочет править своим народом справедливо! Увы, мечты эти несбыточны, жизнь правительницы коротка, её правление недолговечно. Как всегда – козни врагов, борьба между собой приближённых к трону, за власть, за богатство, за сферы влияния, может, и её собственные ошибки...

И лишь стихи, написанные ею и каким-то чудом сохранившиеся до наших дней, передают её переживания, размышления, они искренни, поэтичны, в них сохранился аромат эпохи...

А возможно, ты увидишь перед собой совсем не эту правительницу, а солнечный октябрьский день в Египте, Долину Царей и храм царицы Хатшепсут, высеченный в скале, увидишь золотой трон фараона Тутанхамона в Каирском музее и бесчисленных скарабеев, золотых, серебряных, сердоликовых, под стёклами витрин в залах этого музея... Увидишь жёлтую Ливийскую пустыню на пути из Каира в Александрию, рассвет

Роза Хуснутдинова – писатель, кинодраматург. Родилась в Уфе. Училась в Литературном институте им. М. Горького. Окончила Высшие сценарные курсы при Госкино СССР. Автор восьми книг прозы для детей, сценариев восьми художественных и тридцати мультипликационных фильмов, получивших призы на международных кинофестивалях

на священной реке Ганг в городе Варанаси, погребальные костры индийцев на берегу великой реки и свою зажжённую свечу на листочке баньяна, уплывающую вдаль по реке... Увидишь серые, совсем не жёлтые, пески под Ашхабадом и свою подругу-туркменку в бархатном платье вишнёвого цвета, сидящую на песке и увлечённо рассуждающую о повести «Джан» Андрея Платонова, так понравившуюся ей. Увидишь узкую каменистую улочку в старом Баку, где с одного балкона с чугунной узорной решёткой легко перекинуть пачку денег на противоположный балкон – как плату за соучастие в ограблении прохожего, за взлом сейфа, за похищение красавицы... Есть такие улочки в старом Баку, где сам воздух насыщен опасностью и приключениями...

Ещё ты можешь увидеть современный, отстроенный после землетрясения, такой безликий район в Ташкенте – Юнусабад с трёхэтажную бетонную школу, выстроенную почему-то в яме, так что каждую осень жёлтые листья бесчисленных тополей с окрестных пустырей засыпают стены школы чуть ли не до окон первого этажа...

И, наконец, ты видишь белую мечеть с зелёным остроконечным минаретом в твоей Уфе на берегу реки Белой, видишь старинные постройки Торговых рядов в центре города, у бывшего трамвайного кольца, и рельсы, по которым движется старый трамвай, первый номер, и он останавливается у деревянного дома с тёмными резными воротами...

Но потом ты вспоминаешь, что дома уже нет, он давно снесён, и ты никогда больше не поднимешься по ступенькам деревянной лестницы на второй этаж, не откроешь дверь в освещённую утренним солнцем комнату, не увидишь величавый тополь за окном и лиц дорогих тебе людей, они рассеялись, по всему свету, а иных уже и в живых нет.

В этот момент тебе становится понастоящему грустно... Но за окном опять пролетает птица, чуть не задев крылом стекло, и ты видишь, что сидишь сейчас в своей комнате, в многоэтажном большом доме в городе Москве и слышишь, как неумолчно звонит телефон... И ты поднимаешься и идёшь ответить тому, кто звонит...

Дина и Диас

Жарким июльским вечером Дина Валеева, сотрудник Института языка, литературы и искусства, с сумочкой в руке медленно шла по базарной площади перед Чеховским рынком в Казани. У стеклянных дверей рынка горбился молодой священник измождённого вида, в чёрной рясе, с ящичком в руках, на нём было написано «Жертвуйте на храм». Напротив священника у дверей стояла пожилая татарка в зелёном шёлковом платье, в платке, продавала со столика мусульманские календари, чётки, изда-

ния Корана. Нескончаемый поток машин мчал к площади со стороны центра, беспрерывно сигналил, проезжал по узким улочкам, окружающим рынок, катился дальше. Светофоров здесь не было, останавливались то машины, пропуская прохожих, то наоборот.

На углу возле рынка деревенская девочка в выцветшем платье, с туго заплетёнными косицами продавала лесную землянику из ведра. Лицо девочки было загорелое, глаза ясные, волосы выгорели от солнца.

Дина купила ягоду, улыбнулась девочке, зашагала дальше. Когда-то и я была такой, подумала она. В зеркальной витрине магазина, примыкавшего к рынку, увидела себя – не очень-то стройную, медлительную в движениях, со сбившейся причёской, с очками, закрывающими пол-лица, в длинной юбке, в разлетающейся кофте, с ярким шарфиком на шее – подарком дочери Майи, живущей в Америке.

Дина вздохнула, встряхнула головой. Хотелось развеяться, обрадоваться чему-нибудь. Она задержала взгляд на букетиках роз, которые продавала на углу старушка-дачница.

Несколько минут назад Дина вышла из своей квартиры, расположенной на третьем этаже хрущёвки, давно требующей ремонта. Дом стоял во дворе рядом с рынком. Муж Дины Диас Валеев, известный писатель, философ, критик, перенёсший в прошлом году инфаркт, теперь редко выходил из дома. Целыми днями, сидя у окна в кресле, читал газеты, рукописи ещё не изданных томов своего полного собрания сочинений, ругал чиновников, олигархов, власть предержащих. За что? За всё. За то, что экономика в стране не налаживается, за то, что медицина не бесплатная, за то, что цены растут, что коррупция не исчезает, наоборот, возрастает. Сейчас, наверное, принял лекарство и задремал в кресле. Дина оставила таблетки на столике рядом с креслом. В ванной во все тазы и вёдра налила воду – на тот случай, если её отключат, это часто бывает в последнее время, что тоже раздражало Диаса. На кухне оставила суп с лапшой, кабачки в сметане, компот из вишни. Захочет, пообедает.

Вчера звонила Майя, старшая дочь, живущая в Америке. Сообщила, что приехать в Казань, как собиралась, не сможет, придется выплачивать долг за квартиру, купленную в кредит. Диас гордился Майей – когда-то у неё, шестнадцатилетней девушки, вышла первая книжка, повесть о собаке. Потом Майя закончила университет, вышла замуж, развелась, получила грант от Междуна-

родного общества по охране природы, поехала в Америку и там осталась. Присылала в Казань статьи о животных, о природе, о системе американского образования, говорила, что скучает по родным, по Казани, но приехать сюда не получалось, лишь телефонные звонки время от времени и сообщения по электронной почте посылала на компьютер своей младшей сестре.

Теперь Диас гордился младшей дочерью, Диночкой. Закончив институт, она успешно работала в научном отделе Музея изобразительных искусств Татарстана, выпустила альбом к юбилею Габдуллы Тукая, иллюстрированный известными художниками. Наведывается часто, приносит лекарства, гостинцы, журналы по искусству. Конечно, денег не хватает, муж Диночки – художник, в семейной кассе то густо, то пусто, дети учатся, но ведь так живёт вся нынешняя интеллигенция.

Дина с Диасом в молодости тоже жили так. Недавно произошёл забавный случай. Позвонили из издательства, сказали, чтобы Дина пришла получить гонорар за пятый том мужа, сорок тысяч рублей. Дина взяла большую сумку, подумала, что денег в маленькой сумке не унести. В бухгалтерии ей выдали тоненькую пачку денег, посмеялись над её наивностью – сейчас уже пятитысячные купюры выпускают, такие деньги в карман можно сунуть. Ещё предупредили, что за следующий том выдадут лишь половину гонорара, остальное – книгами, их нужно самим распродавать. Что ж, выйти с большим Диасом на Чеховский рынок продавать книги? Невозможно представить. Ну, её-то, Динину книгу, «Искусство Золотой Орды», выпущенную к тысячелетию Казани, нельзя найти ни в одном магазине, распродано давно. А вот книги Диаса, современную прозу... Дина вздохнула, направилась к лотку, чтобы купить «сельского» хлеба, который Диас любит.

Вчера заходила московская приятельница, принесла столичные журналы, рассказала новости про издательский бизнес. Диас подарил ей свою

брошюру – «Сокровенное от Диаса», сто параграфов новой религии, провозвестником которой он себя называл. В брошюре Диас писал о том, что существующие религии не принесли счастья человечеству, значит, надо искать новую. Он нашёл. Надо стремиться к Сверхбогу, к Мега-человеку, к Абсолюту. Дальше он излагал символы новой религии, как будто выглядеть храмы, как нужно молиться.

Всё это, может, и хорошо изложено, но разве нужны сейчас новые слова, новые символы, разве нужно учить людей молиться? Во все времена каждый человек сам находил путь к Богу, если этого хотел. На примере собственной жизни постигал, что надо быть милосердным, терпеливым, не врать самому себе и другим, трудиться, сколько хватает сил, беречь природу, растить детей, уважать старость. И в верованиях татар есть понятие «небесные ворота»... Через эти ворота люди могут общаться с высшими небесными силами. Правда, открываются они только достойным. Ну, а терпения Дине не занимать, всю жизнь исполняла то, о чём говорила ей бабушка, мама, потом – свекровь, мать Диаса. «Ты должна, Дина, ты должна...» Конечно, должна. Только трудно, когда ты должна, а кто-то другой, кто рядом, не должен... Дина встряхнула головой, зашагала быстрее. Надо отвлечься от неприятных мыслей, подумать о чём-то хорошем. Она вспомнила Льва Николаевича Гумилёва, как она навестила его в Ленинграде. Он хвалил её диссертацию, говорил, какой у неё певучий голос, интуиция, вообще, хвалил ум, красоту и терпение татарских женщин, говорил, что она, Дина, открыла неизвестные страницы из истории Золотой Орды, почитал рукопись своей новой книги. Это было лучшим воспоминанием Дининой жизни. Жаль, что больше нет такого человека, с которым можно разговаривать обо всём на свете, не боясь, что тебя не так поймут.

«Наверное, я и сама изменилась», – вздохнула Дина. В юности, когда начинала заниматься изучением культуры

татар, чувствовала всё глубже, принимала всё близко к сердцу, волновали пословицы и поговорки, связанные со звёздным небом: «Около луны – Зухра-девица, близ рассвета – Чулпан-девица, а на Медведице – семь девиц». Заходя в лес, Дина в детстве боялась увидеть Шурале – лесного духа; подходя к озеру, искала взглядом Су-анасы – Водяную, расчёсывающую на берегу золотым гребнем волосы; в заброшенном доме искала, где прячется Бичура – Домовой; при простуде пила отвар из душицы, как принято у татар. «Теперь я знаю всё это, но не чувствую так близко к сердцу, как тогда».

Дина подошла к лотку, где продавали хлеб. И вдруг застыла. Мимо неё во двор Дининого дома спотыкающейся походкой направлялась женщина в поношенном платье, в стоптанных туфлях, в вязаной шапке на голове. В такую жару – в шапке? Она походила на бомжа, но было в ней что-то и ещё, зловещее, что напугало Дину. Женщина шла, не поднимая глаз, лицо у неё было землистого цвета. Она походила на албасты, на убыр (дух тяжёлой болезни, привидение, смерть).

Направляется в наш двор, пришла за Диасом, подумала Дина. Что делать? Непроизвольно она схватилась за горло, пальцы её нащупали платок, она сорвала его с шеи. Это был платок из натурального шёлка с замысловатым абстрактным рисунком. Даря его матери, Майя сказала: «Мам, это дорогой платок, сто долларов стоит, ты его никому не дари». Дина вспомнила, как девочкой, пойдя за ягодами в лес, провалилась в глубокую яму и стала кричать, но подружки были далеко, не услышали. Дина сидела на дне ямы, смотрела на небо наверху. Вдруг рука её нащупала серебряное колечко на пальце, его недавно подарила бабушка. Дина сняла с пальца колечко, закопала на дне ямы, прошептала: «Земля-земля, если спасёшь меня, я тебе своё серебряное колечко отдам». Скоро к яме подошла одна из подружек, Дину вытащили наверх.

Дина стояла и смотрела на женщину в вязаной шапке, остановившуюся у входа во двор. Оттуда выезжала машина, гружёная кирпичом. Никак не могла развернуться, чтобы выехать со двора на площадь. Женщина в вязаной шапке стояла, ждала, когда машина проедет.

Дина подбежала к женщине и срывающимся голосом прошептала:

– Послушайте, в такую жару в шерстяной шапке!.. Не жарко? Возьмите платок!

И сунула платок в руку женщине. Та, не удивившись, развернула платок, посмотрела на него, свернула и сунула за пазуху. Машина всё не проезжала, загораживала проход. Женщина повернулась и зашагала обратно, в сторону центра.

Дина с облегчением вздохнула, отошла к скамейке. Умилостивила проклятую, подумала она. Потом поднялась, направилась к лотку, купила «сельского» хлеба и зашагала домой.

Когда вошла в квартиру, Диас по-прежнему сидел в кресле с газетой в руке.

– Что так долго? – спросил он. – А у меня тут приступ был. Будто кто-то навалился на грудь и стал душить. Хорошо, что дотянулся до пузырька, который

ты оставила на столе. Вот, проглотил таблетку и полегчало.

– Ну и хорошо, – улыбнулась Дина. – Обедать будем?

– Позже, – буркнул он. – Почитаю, тут в «Коммерсанте» интересная статья напечатана, какой-то наш юрист предложил создать комитет по защите прав американцев. Придёт же такое в голову!

Зазвонил телефон. Дина взяла трубку.

– Мам, я смогу приехать, – раздался в трубке спокойный голос Майи. – Мне заплатили за большую статью, так что на билет туда и обратно хватит. На следующей неделе приеду. Целую, мам.

Дочь повесила трубку.

Дина танцующей походкой вернулась к столику, уселась в кресло. С улыбкой взглянула на картину на стене, её подарил недавно знакомый художник. Через тюлевую занавеску на окне пробился яркий солнечный луч и осветил пейзаж на картине внезапно вспыхнувшим радостным светом.

– Дина, подай чаю, – попросил Диас, не отрываясь от газеты. – Кто звонил?

– Звонила Майя. Приедет на следующей неделе, – ответила Дина певучим, «вибрирующим от счастья» голосом, как говорил ей когда-то Лев Николаевич Гумилёв.

Пиджак

Памяти Саши Гаврилова

У пиджака умер хозяин. Стали думать, что делать с пиджаком. Примерили брату, пиджак сжался и не дал себя надеть, – видно, мал, решили. Примерили другу, пиджак растянулся и опять не дался, – видно, велик, решили. Снесли в комиссионный магазин. Там пиджак оказался рядом с такими щёголями, с ка-

кими и не приходилось бывать раньше. У этих пиджаков хозяева были живы: кто из Парижа только что вернулся, кто из Гонконга. И чего только не рассказывали эти пиджаки! И о вечерних приёмах с коктейлями, и о перестрелках в горах с бандитами, и о бое быков в Севилье, и о манифестациях в Париже.

Эти пиджаки в комиссионном быстро раскупали. А на этот, серо-голубой, с потёртыми рукавами, покупателей не находилось. Тогда забрали пиджак обратно домой, повесили в шкафу, дверцу закрыли, больше не вынимали. И стал пиджак висеть в старом деревянном пропахшем нафталином шкафу, на узких пластмассовых плечиках, бороться в темноте с нападавшей исподтишка коварной неистребимой молью и вспоминать свою хорошую прежнюю жизнь с хозяином, поэтом. Как почти каждое утро на рассвете выходили вместе из дома на улицу, в это странное голубоватое пространство, в котором дома стояли как привидения, – мигни, и они исчезнут! В этом пространстве жили и деревья, и трава, и птицы, город был без людей, и пахло свежей листвой и землёй. («И это утро так прекрасно, что превращается в слова!») Отправлялись гулять по улицам, отыскивали самые зелёные уголки, самые тенистые переулки и сады, оставленные прежними владельцами этого микрорайона столицы. Находили подходящую скамейку, располагались на ней, вглядывались в зелёное облако, подступавшее к самой скамейке, запрокидывали голову, всматривались в небо, и сами собой сочинялись стихи: «Снова зелень мая встрепенулась над весёлой Яузой-рекой! Чьё окно случайно распахнулось? Кто случайно помахал рукой?» Пиджак старался, чтобы у него в карманах всегда были наготове карандаш и бумага, чтобы можно было записать стихи, чтобы они не затерялись. Ведь те, которые не затерялись, потом вышли книжками. Но многие затерялись, поэт их сочинял, а потом забывал.

Люди в доме пугались: что это за звуки ночью? Паркет, что ли, скрипит? Или обои отклеиваются? Не догадывались, что это пиджак раскачивается в шкафу и вспоминает любимые строчки: «Май приклеился к юнью терпким кле-ем тополей. Веет радостным и юным от распаханых полей». Или: «Уже весна! Протрите окна! Протрите спящие глаза! От первых рос трава намокла! И первая

грядёт гроза! И чувство первых поцелуев ты не робея принимай! Чью младость весело милует в своих садах зелёный май!» А как вместе ходили в новенький стеклянный бар возле базарчика! Как стояли за круглыми мокрыми столиками, потягивая пиво из тёмных больших кружек, читали стихи друзьям и совсем незнакомым людям! А как заснули однажды на берегу городской речушки, заросшей по берегам пыльной примятой травой, в ней валялись окурки, бумажки, всякий городской мусор, – словом, не речка, одно название, но именно здесь сочинились эти пронзительные строчки: «Ангел небесный, меня осени!» Тогда, в ту ночь, он укрывал собой поэта, как шинель укрывала бы солдата перед последним боем... А чего только не водилось в карманах, когда жив был хозяин! И засохший цветок, и отломанная веточка, и бумажные салфетки из кафе, исписанные строчками стихов, и кора берёзы, в которую поэт любил свистеть, как мальчишка, и конфеты в красивых обёртках, которые он дарил при встрече незнакомым детям. «Дорогие весёлые дети! В начинании первых проказ! Все мы гости на этом свете!..» Или: «Путь начинаю в счастливой примете – светятся дети!»

И, вспоминая по ночам своего хозяина, испытывая тоску и отвращение к грызущей его по ночам неотступающей моли, залезающей в рукава, в карманы, за подкладку воротника, он испытывал мучительное, всевозрастающее желание – покинуть этот стоячий шкаф-гроб, спуститься ночью в лифте на первый этаж или махнуть прямо через лоджию вниз, к траве – как птица! И отправиться вместе со шляпой, с прекрасной серо-голубой шляпой, которую поэт надевал лишь раз, гулять по излюбленным маршрутам: по пустынному саду, рядом со станцией «Лосиноостровская» или в Медведковский лесопарк, похожий на настоящий большой лес, шелестящий настоящими большими деревьями, или сесть на электричку и доехать до станции Клязьма. Там сойти, пройти мимо зевающих, пошатывающихся пьяниц

возле магазина, выйти на синюю асфальтовую дорогу, идущую мимо полыхающих жёлтым пламенем слева и справа садов, дошагать до двухэтажного деревянного дома с мезонином, в котором так хорошо бы поселиться, затем свернуть налево, пройти ещё чуть-чуть, и откроется изумительная панорама реки Клязьмы, с чистой голубой водой, отражающей светлое небо, с изумрудно-зелёным берегом на противоположной стороне реки, почему-то отгороженным проволокой, и с удивительно красивым плавным, так восхищавшим поэта поворотом, уводящим в

некую манящую даль, туда, где чистая голубая вода окончательно сливалась с чистым голубым небом...

Скажут, какая связь между поэтом и его пиджаком? Ведь поэта нет! А пиджак! Что такое пиджак? Вещь! Но почему тогда к храму «Зуб Будды», что находится в городе Коломбо на острове Цейлон, каждый день приходят сотни паломников, чтобы посмотреть на этот самый «зуб»? Какой зуб, спрашивается? Какого Будды? Да и жил ли Будда? А если и жил, то когда? Тысячу лет назад! И всё же, всё же! Паломники идут, идут, идут...

г. Москва

